
ЛИССБЕТ КОТЦОВА
ИЗМЕНА
Его вторая семья
Измена. Тайный ребёнок, Разбитая любовь

# Лиссбет Котцова
# Измена. Его вторая семья

*https://litres.ru/74818648*

## Аннотация

Семь лет я ждала, когда он выберет меня.

Семь лет верила, что «ещё немного — и всё изменится».

Никита был моей любовью. Моей болью. Моей зависимостью.

Мужчиной, который не спешил делать предложение… но требовал от меня идеальной жизни рядом.

И когда он наконец надел кольцо на мой палец — я поверила:

я победила.

Ошиблась.

Потому что на той самой свадьбе, где он впервые назвал меня своей невестой,

я даже не догадывалась…

что где-то растёт его сын.

Четырёхлетний мальчик, который называет его папой.

И женщина, которая уверена, что она — единственная.

Теперь вопрос только один:

кем была я все эти годы — любимой… или удобной?

# Содержание

Глава 1. Семь лет ожидания 4
Глава 2. Переезд в Петербург 8
Глава 3. Мечты о семье 13
Глава 4. Ссора на пустяках 17
Глава 5. «Ты слишком эмоциональна» 22
Глава 6. Друзья и поддержка 27
Глава 7. Работа и независимость 32
Глава 8. Семейные воспоминания 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

# Глава 1. Семь лет ожидания

— Ты опять оставил носки на полу.

Я стою на кухне и тихо сжимаю чашку, чтобы не тряслись руки.

Семь лет.

Семь длинных лет я терпела эти придирки, эти его взгляды, которые ранили сильнее, чем любое слово.

Никита.

Мужчина, которого я люблю больше всего на свете.

Мужчина, который ежедневно показывает, что я не идеальна.

— Люда, я с тобой разговариваю! — его голос становится резче, холоднее, как будто металл.

Я знаю, что сейчас начнётся.

Начнётся с обычной мелочи.

И закончится обвинением, криком и… болью.

Болью, которую я уже научилась прятать за улыбкой, за тихим «да, извини».

— Я вынесу, — тихо говорю я, но внутри меня буря.

— Когда? Через неделю? — он усмехается, и в этой усмешке — вся его власть.

Вся моя слабость.

Я закрываю кран.

Вода больше не шумит — и в квартире становится жутко

тихо.

— Ты из-за этого кричишь?

— Я не кричу! — он делает шаг ко мне. — Я просто прошу элементарные вещи. Или это сложно?

Я медленно оборачиваюсь и смотрю на него.

На мужчину, который был со мной восемь лет.

На мужчину, которого я ждала. Который обещал: «Скоро, ещё чуть-чуть».

На мужчину, от которого каждый день я ждала одного — предложения.

— А жениться на мне — это тоже «элементарная вещь»? — спрашиваю я тихо, почти шёпотом.

Он замер.

На секунду.

И в этот момент я вижу его настоящую сущность — холодную, как лёд, и беспощадную, как снегопад, который накрывает всё вокруг, оставляя только пустоту.

— Мы опять начинаем? — с лёгкой насмешкой, но без улыбки.

И я понимаю: я его не могу изменить. Никогда.

Что я для него? Любовь или удобство? Надежда или просто привычка?

Я закрываю глаза и думаю обо всём, что мы прошли.

О всех ссорах, слезах, попытках быть лучше для него.

О семи годах ожидания, когда я мечтала о семье, о детях, о нашем будущем.

И понимаю страшную правду: он не изменится.

Ни сейчас, ни завтра.

Ни через семь лет.

— Я ухожу.

— Я не знаю, откуда берётся сила, но слова вырываются из меня, как из глубины души.

Он смеётся.

Смеётся так, будто это шутка.

— Куда? — голос будто тает, но внутри него скрыт вызов.

Я поднимаю голову и встречаю его взгляд.

— Туда, где меня будут ждать. Туда, где я буду нужной. Там, где меня любят… а не терпят.

И в этот момент я чувствую, как что-то внутри меня ломается.

Все годы ожидания, все надежды, все маленькие радости — всё это превращается в пепел.

Но одновременно что-то внутри меня просыпается.

Сила.

Гордость.

Жажда жить для себя.

Я беру пальто, беру сумку — и понимаю: это первый шаг к свободе.

И впервые за долгое время я не плачу.

Я чувствую лишь один острый, болезненный, но честный факт:

я больше не буду ждать его.

Никогда.

# Глава 2. Переезд в Петербург

— Ну вот мы и в Питере, — Никита обводит рукой новую квартиру, будто показывает свой трофей.

Я стою у окна и молчу.

За стеклом серое небо, холодный дождь и редкие машины.

Сердце сжимается.

Петербург — красивый, шумный, чужой город.

Но я здесь не ради красоты. Я здесь ради него.

— И как тебе? — Никита улыбается, но это его привычная холодная улыбка, которая никогда не обнажает настоящих эмоций.

— Красиво, — тихо отвечаю я.

Но внутри буря.

Потому что «красиво» здесь значит только «другая жизнь», другой ритм, другой мир. Мир, где у меня нет опоры, кроме него.

Он подходит ко мне и берет мою руку.

Тепло, которое он излучает, смешано с контролем.

— Ты всегда такая задумчивая, Люда? — шепчет он, и я чувствую, как внутри меня скручивается что-то знакомое и болезненное.

Я не знаю, что ответить.

Ведь если скажу правду — он разозлится.

— Всё в порядке, — выдаю привычную фразу.

— Хочешь кофе? — добавляю, чтобы сгладить напряжение.

Но он смотрит на меня с этой тихой резкостью, которой достаточно, чтобы я поняла: он знает, что я притворяюсь.

— Кофе? — повторяет он.

— Ты всегда такая нервная, когда переезжаем.

— Не нервная… просто устала, — выдыхаю я, и голос дрожит.

— Устала? — Никита поднимает бровь, и это всегда значит одно: он сейчас будет упрекать, контролировать, находить повод.

— Я старалась… — тихо говорю я, и мне кажется, что голос дрожит.

— Старалась? — повторяет он, подходя ближе.

Его лицо холодное, почти металлическое.

— Люда, я хочу, чтобы ты делала всё идеально. Или хотя бы близко к идеалу.

Я замираю.

Каждая клетка кричит: «Почему я терплю это столько лет?»

Но я молчу, потому что знаю: если я взорвусь сейчас — мы разрушим первые дни здесь, в новом городе, и я потеряю хоть малюсенькую надежду, что мы сможем быть счастливы.

— Хорошо, — тихо говорю я.

— Буду делать «для себя».

Он кивает, и на мгновение кажется, что напряжение спа-

ло.

Но это обманчиво.

Я знаю его.

Вскоре придет новый упрёк, новое замечание, новый удар по моей самооценке.

Я бросаю взгляд на окно.

Дождь стучит по стеклу, как метроном, отсчитывая секунды, минуты, годы ожидания.

Семь лет.

Семь лет, которые я провела рядом с человеком, который обещал «ещё немного» и никогда не спешил.

— Люда… — Никита берет меня за плечо.

Его прикосновение тяжелое, требовательное.

— Ты что задумалась?

— Да, — выдыхаю я. — Думаю о том, как всё изменится.

Он улыбается снова, но его глаза холодны.

— Не изменится. Ты будешь делать то, что я скажу, а остальное — забудешь.

Слова режут меня, словно нож.

Я хотела бы закричать, разорвать его на куски, сказать, что я больше не хочу подчиняться.

Но я молчу.

Потому что люблю.

И потому что боюсь.

— Хочешь, я покажу тебе вид из кухни? — спрашивает он, и голос снова мягкий, как будто он пытается залатать тре-

щины.

— Да… — отвечаю я.

Мы идём по квартире.

Каждый шаг — будто шаг по минному полю.

Я боюсь сказать что-то лишнее, боюсь, что этот день разрушится.

Новая кухня, новые комнаты, новый город… и всё это ощущается пустым без свободы, без возможности быть собой.

— Ты будешь готовить завтра? — Никита спрашивает неожиданно, и я вздрагиваю.

— Да… — шепчу я.

— У тебя всё идеально получится, — добавляет он, и это впервые звучит почти как похвала.Но я знаю, что завтра он найдёт, за что меня отчитать.

И вот я стою на балконе, смотрю на дождливый Петербург и думаю: «Семь лет… а я всё ещё верю в него. Всё ещё люблю. Всё ещё надеюсь…»

Вдруг раздаётся звонок в дверь.

Я вздрагиваю, а Никита просто улыбается:

— Наверное, соседи. Или кто-то из знакомых.

Я иду открывать и замираю: за дверью стояла женщина с папкой и улыбается так, будто знает что-то важное.

— Добрый день, — говорит женщина, но её взгляд будто пронзает меня насквозь.

— Я к Никите… по поводу его ребёнка.

Слова застряли в воздухе, в квартире, в моём сердце.

Семь лет ожидания.

Семь лет надежды.

И вот — первый удар.

Я стою, не в силах пошевелиться, не в силах дышать, и понимаю, что переезд в Петербург — это только начало шторма, который разрушит всю мою жизнь.

# Глава 3. Мечты о семье

Я сидела на краю кровати, держа в руках маленькую куклу, которую когда-то подарила себе на день рождения.

Казалось бы, детская глупость — но внутри что-то щемило, словно напоминало: я хочу быть мамой.

Я хочу детей.

Настоящих, живых, смех которых наполняет дом, а не пустоту наших вечеров.

— Люда, ты опять задумалась? — Никита подошёл с кружкой кофе.

Его взгляд был мягким, но я чувствовала привычный холод в кончиках пальцев.

— Просто думаю… — сказала я тихо, не поднимая глаз.

— О чём? — Он сел рядом, наклонился ко мне.

Его прикосновение одновременно манило и давило, как будто он хотел быть ближе, но контролировать каждое движение.

Я собрала храбрость.

— О будущем. О семье. О детях. — Голос дрожал, но я решила сказать вслух то, о чём думала годами.

Он нахмурился, вздохнул, и я сразу поняла: этот разговор будет трудным.

— Дети… — протянул он. — Мы говорили уже тысячу раз. Мы ещё не готовы.

— Ты говоришь «ещё немного» уже шесть лет! — слёзы подступили, и я их проглотила.

— Шесть лет! Каждый раз, когда я спрашиваю, ты откладываешь. И что? Я теряю время! Мои годы уходят, Никита!

Он замер, будто я ударила его словом.

Потом тихо сказал:

— Люда, не кричи. Всё будет в своё время. Я не тороплюсь, а ты… — он махнул рукой, словно мне нужно понять, что я слишком эмоциональна.

— Слишком эмоциональна? — повторила я, пытаясь сохранить голос ровным. — Я мечтала о семье! Мечтала о детях! И всё, что я получаю — это обещания и отговорки. Семь лет, Никита! Семь!

Он отстранился, посмотрел в окно.

— Семь лет — это не так много, — сказал он спокойно, будто говорил о погоде. — Мы всё ещё молоды, всё ещё можем планировать.

— Не так много?! — Я встала, почти кричала. — Не так много?! Для тебя, может, нет.

Для меня — это годы надежд, слёз и веры. Верила в нас. Верила, что ты меня выберешь. А теперь что?

Он подошёл ближе, тихо, сдержанно.

— Люда… — начал он, и я замерла. Его голос был необычно мягким, почти жалостливым. — Я тебя люблю. Я ценю тебя. Но я не хочу торопиться. Мы должны быть готовы.

— Любишь? — я усмехнулась, хотя сердце колотилось. — Любишь… а дети? Семья? Что это за любовь, если ты всё время говоришь «ещё немного»?

Он молчал.

Его глаза смотрели куда-то вдаль, будто пытались найти ответ там, где его нет.

— Я… я хочу, чтобы всё было идеально. Чтобы мы были готовы. Чтобы ты не страдала.

— Я страдаю уже семь лет! — слёзы прорвались, и я закрыла лицо руками. — Я жду, Никита. Жду тебя и твоего «идеального времени». И что я получаю взамен? Твой контроль. Твои придирки. Твою холодность.

Он вздохнул, присел рядом, положил руку на мою, но я выдернула её.

— Не трогай меня! — тихо сказала я.

— Я устала от «любви», которая душит. От мужчины, который боится жить настоящей жизнью.

В комнате воцарилась тишина.

Лишь дождь стучал по окну, считая секунды, минуты, годы ожидания.

Я думала, что этот разговор разрушит всё, но, наоборот, я впервые почувствовала, как просыпается во мне сила.

Сила, которую я прятала за слезами, надеждой, преданностью.

— Люда… — Никита осторожно коснулся моего плеча.

— Мы обсудим это позже. Сейчас не время.

— Не время? — я подняла глаза, полные слёз и решимости.

— Никита, для меня это время уже прошло! Сколько ещё мне ждать твоего «ещё немного»? Сколько лет я буду терпеть твою нерешительность и холодность?

Он молчал. Его привычная реакция — упрёк, обвинение, контроль — в этот раз не сработала.

Я видела в его глазах смесь раздражения и тревоги. И это дало мне странное чувство власти.

— Знаешь что? — сказала я тихо, почти шепотом.

— Я больше не буду ждать. Если ты не готов… если ты не хочешь семьи со мной… я найду свой путь сама.

Он вдруг замер.

Я видела, как его привычный мир, в котором он контролировал всё, дрожал.

— Люда… — начал он, но я уже не слушала.

Я смотрела на куклу в руках, потом на окно, на серый дождливый Петербург, и впервые за долгое время я почувствовала, что могу дышать.

Дышать для себя.

— Семь лет… — прошептала я.

— Семь лет я ждала тебя. И больше не буду.

И впервые я поняла, что мечты о семье могут быть разрушены не внешними обстоятельствами, а человеком, которого ты любишь больше всего.

# Глава 4. Ссора на пустяках

— Люда, — Никита подошёл ко мне с этим холодным взглядом, который я уже давно научилась бояться.

— Почему носки на полу?

Я вздохнула, но не успела ответить, как он уже начал.

— Это не просто носки! — голос его был низким, ровным, почти хмурым, но внутри него пряталась привычная агрессия.

— Это хаос. И этот хаос отражает твоё отношение ко всему в жизни.

Я замерла. «Отношение ко всему в жизни?» — подумала я.

Он серьёзно? Носки на полу — и уже диагноз моей личности?

— Никита… я… — пыталась я объяснить, но он меня прервал.

— Не начинай оправдываться. Каждый раз одно и то же. Ты не умеешь поддерживать порядок. Ты не умеешь ничего делать «как надо».

Я почувствовала, как внутри что-то сжимается, словно руки невидимого человека сжали сердце.

— Но это всего лишь носки… — тихо сказала я.

— Я уберу их.

— Всегда «я уберу», «я постараюсь», «ещё чуть-чуть». Но

когда, Люда? Когда ты перестанешь быть такой бесполезной и неряшливой?

Слова разрывали меня изнутри.

Семь лет я терпела эти придирки, эти насмешки, этот ежедневный контроль.

Семь лет я делала всё, что могло облегчить его критику, и всё равно было мало.

— Никита… — голос дрожал, но я старалась сохранять спокойствие.

— Я стараюсь. Я делаю всё, что могу.

Он нахмурился, шагнул ближе и оперся на край стола.

— «Делаешь всё, что можешь»? — пересказал он мои слова с явной насмешкой.

— Люда, «стараться» — это не оправдание. Если ты любишь меня, ты будешь делать идеально.

Я почувствовала, как слёзы подступают.

Но я проглотила их.

Я не хочу давать ему удовлетворение видеть мою слабость.

— Хорошо, — выдохнула я тихо.

— Я уберу.

— И ещё, — Никита продолжал, словно энергия его недовольства была неисчерпаема.

— Почему рубашка на вешалке не по цвету? Почему носки разного цвета в ящике? Люда, ты когда-нибудь думаешь?

— Я думала… — начала я, но он снова перебил.

— Думаешь? — повторил он с ехидной интонацией.

— Думаешь, что можно жить в этом хаосе и всё будет нормально? Люда, ты не умеешь организовывать жизнь. И это не шутка.

Я опустила взгляд.

Сердце колотилось, дыхание сбилось.

Всё, что я чувствовала — смесь боли, разочарования, усталости и злости.

— Ты можешь хоть иногда сказать что-то доброе? — тихо прошептала я, и это прозвучало почти как мольба.

Он замер.

На секунду я подумала, что мои слова пробили его броню.

Но затем он усмехнулся.

— Доброе? — переспросил он. — Зачем? Если ты и так всё время делаешь неправильно?

Я подняла глаза и увидела в его взгляде привычное: контроль, холод и невидимую угрозу.

Каждый раз, когда он так смотрит, я ощущаю, как теряю себя.

— Никита, — я шагнула к нему.

— Семь лет я стараюсь для тебя. Семь лет я подстраиваюсь под твои правила, под твою чистоту, под твои привычки. И что? Я всё ещё недостаточно хороша?

Он отстранился, слегка поднял подбородок, как будто хотел показать, что это я не права.

— Люда… это не про тебя. Это про порядок. Про то, как

нужно жить. Я не хочу, чтобы наш дом был… хаосом.

— Хаосом? — почти крикнула я.

— Ты называешь хаосом жизнь, которую мы строим вместе? Ты называешь хаосом то, что я делаю для нас?

В этот момент я впервые почувствовала, как внутри меня горит не только боль, но и ярость.

— Да! — кричала я, — Да, я делаю всё для нас, а ты видишь только ошибки! Семь лет, Никита! Семь лет! И всё, что я получаю — придирки, контроль и холод!

Он замер, но молчал.

Я видела, что его привычная уверенность трещит по швам.

В этот момент я почувствовала странное чувство — власть.

Не власть над ним, а власть над самой собой.

Я больше не буду прятать свои эмоции.

— И знаешь что, — сказала я, почти шепотом, — если ты не можешь ценить то, что я делаю, я буду делать это для себя. Для своей жизни. И пусть тебе это не нравится.

Никита молчал.

Его глаза были полны недовольства, но в них появилось что-то новое — тревога.

Я посмотрела на него и впервые за долгое время поняла: этот дом, этот город, этот мужчина — могут разрушить меня, если я позволю.

Но я не позволю.

— Убирай носки, — сказал он наконец, почти шёпотом.

— Да, — ответила я спокойно, хотя внутри меня буря эмоций. Я понимала одно: семь лет терпения закончились. И теперь начинается новая жизнь — жизнь, где я больше не буду прятать боль и обиду.

Я вздохнула, собралась с силами и пошла собирать вещи.

А в сердце уже росла странная, тревожная надежда: что когда-нибудь я смогу жить без этого постоянного контроля, без этих придирок, без этого холодного взгляда, который когда-то казался любовью.

# Глава 5. «Ты слишком эмоциональна»

— Люда… — Никита подошёл ко мне, его голос был тихим, но с той привычной, ледяной ноткой, которая всегда заставляла моё сердце сжиматься.

— Ты слишком эмоциональна.

Я замерла.

«Слишком эмоциональна?» — повторила я мысленно.

Слово, которое он использовал столько раз, будто диагноз, будто приговор.

Слово, которое убивало мои попытки быть собой.

— Я? — тихо спросила я, хотя внутри уже буря.

— Я слишком эмоциональна, потому что переживаю за нас, за тебя, за всё, что мы строим?

Он нахмурился.

Его глаза холодно сверлили меня насквозь.

— Переживаешь? — пересказал он с ехидной интонацией.

— Люда, твои эмоции мешают нам жить. Твоя буря внутри разрушает покой.

Я почувствовала, как внутри сжимается грудь.

Боль и злость смешались с привычным страхом.

Семь лет я терпела его замечания, но этот раз был особен-

но болезненным.

— Мешают? — повторилая, стараясь не плакать.

— Никита, я не могу молчать, когда чувствую, что мы теряем время, когда вижу, что ты откладываешь наше будущее…

Он сделал шаг ко мне, и я почувствовала привычное давление его присутствия.

— Люда, — сказал он мягко, но с железной уверенностью, — я не хочу, чтобы ты всегда всё драматизировала. Иногда нужно просто принять ситуацию и ждать.

— Ждать? — голос сорвался, и я почувствовала, как слёзы подкатывают к глазам.

— Сколько ещё мне ждать, Никита? Сколько лет я должна терпеть твои «ещё немного»?

Он молчал.

Его молчание давило сильнее любых слов.

Я видела в его глазах привычное сочетание раздражения и контроля. Внутри меня росла злость, но я боялась проявить её полностью.

— Я устала, Никита, — тихо сказала я.

— Я устала от постоянного «ждать», от твоих упрёков, от того, что мои чувства для тебя слишком сильны…

Он нахмурился, а затем подошёл ближе и оперся рукой о стену рядом со мной.

— Люда, твои эмоции не делают тебя сильной. Они делают тебя слабой. Тебе нужно научиться контролировать себя.

Я почувствовала, как внутри меня всё кипит.

Каждое его слово — словно удар ножом.

— Слабая? — прошептала я.

— Ты называешь слабостью то, что я люблю тебя, то, что я переживаю, то, что хочу семью и детей?

Он посмотрел на меня холодно.

— Любовь — это не крики и слёзы, Люда. Любовь — это спокойствие, порядок, логика. Эмоции только мешают.

Я отстранилась. В груди что-то лопнуло. Семь лет надежд, семь лет терпения, семь лет борьбы за будущее — и всё это оказалось «слишком».

— Я не могу больше так жить, Никита, — сказала я тихо, но твёрдо. — Я больше не хочу быть «слишком эмоциональной» для тебя.

Он сделал шаг назад, будто я впервые за долгое время бросила ему вызов.

— Ты угрожаешь мне? — его голос звучал холодно, но в нём появился лёгкий оттенок тревоги.

— Нет, — сказала я.

— Я предупреждаю. Сама себе я больше не позволю прятать чувства, бояться и терпеть твою холодность.

Он молчал, и я видела, как привычная уверенность Никиты трещит по швам.

В его глазах мелькнула тревога — впервые он оказался перед стеной, которую не мог контролировать.

Я подошла к окну, смотрела на дождливый Петербург и

думала о том, что этот город принесёт нам новые испытания.

Я чувствовала, что мы стоим на грани — грани, где мои эмоции станут либо моим оружием, либо моим разрушением.

— Люда… — тихо начал Никита, — я…

— Не говори ничего, — перебила я его.

— Просто слушай. Семь лет ты учил меня молчать, прятать чувства, быть «спокойной». Но я больше не могу. И больше не хочу.

Он молчал.

В комнате стояла тишина, прерываемая только дождём за окном.

Я впервые ощутила странное чувство свободы — страх и ужас смешались с решимостью.

Я знала одно: эта ссора — только начало.

Начало того, что вскоре разрушит привычный мир, который мы строили годами.

И где-то внутри я понимала, что Никита впервые в жизни почувствует: эмоции Люды — не игрушка, не слабость, а сила, с которой он не может справиться.

— Хорошо, — наконец сказал он тихо, почти шепотом.

— Мы… обсудим это позже.

Я кивнула, но уже знала: обсуждать мы будем только мою жизнь.

Мою свободу.

Мои мечты.

И в этот момент я впервые почувствовала: страх больше не сможет управлять мной.

Я была готова бороться — за себя, за своё счастье, за семью, о которой мечтала всю жизнь.

# Глава 6. Друзья и поддержка

Я сидела на диване у подруги Насти, обхватив колени руками, и думала, как всё дошло до этого.

Дождь стучал по окну, напоминая о сером Петербурге, где я жила последние недели.

А внутри меня бушевала буря — та, которую я привыкла прятать.

— Люда, — Настя посмотрела на меня внимательно.

— Что с тобой? Ты выглядишь так, будто пронесли через шторм и забыли на берегу.

Я вздохнула.

Как объяснить, что семь лет отношений, надежды на семью, мечты о детях — всё это оказалось иллюзией?

— Настя… — начала я, но слова застряли в горле. — Я… я не знаю, что делать.

— Слушай, говори.

— Настя села рядом, взяла меня за руку.

— Я знаю тебя. Ты обычно держишь всё в себе.

Я закрыла глаза, чтобы слёзы не прорвались.

— Он… — я с трудом выдавила слово.

— Он такой холодный, Никита… Он придирается ко мне по мелочам, контролирует всё. Семь лет я жду от него семьи, детей… а он всё откладывает.

— Люда… — Настя вздохнула.

— Я видела, как ты менялась за эти годы. Ты стала тревожной, постоянно сомневаешься в себе… Это Никита делает с тобой, да?

Я кивнула.

— Да… Я знаю, что это не я такая. Это он. Его контроль, его холод, его требования… — голова кружилась, сердце билось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Я люблю его, Настя, но… иногда мне кажется, что теряю себя.

— Люда… — Настя взяла меня за плечи.

— Слушай, я вижу это давно. Ты боишься разрыва, боишься остаться одна. Но ты должна понять: если ты останешься, ты будешь терять себя каждый день.

Я опустила взгляд.

Я боялась.

Боялась, что без него не смогу.

Семь лет рядом с Никитой сделали меня зависимой.

Я боялась одиночества, боялась, что никто меня не полюбит.

— Но… — я прошептала, — если я уйду, если я решусь на разрыв… что тогда? Я не хочу разрушать всё, что строила… Всё, что мы планировали…

— Разрушать? — Настя усмехнулась, но в её глазах была мягкость.

— Люда, ты не разрушишь. Ты просто спасёшь себя. Ты наконец перестанешь жить в клетке, которую построил Ни-

кита.

— Я не могу просто взять и уйти, Настя… — я почувствовала, как слёзы подступают.

— Я люблю его… я люблю.

— Любовь? — Настя нахмурилась.

— Любовь не должна быть пыткой, Люда. Любовь не должна делать тебя слабой, тревожной, сломленной. Посмотри на себя: ты измучена, ты истощена, ты больше не узнаешь себя.

Я промолчала.

Она права.

Семь лет меня ломали, но я всё ещё пыталась верить, что смогу изменить его.

Что смогу ждать «ещё немного».

— Я понимаю, — тихо сказала я, — что ты права. Но как мне перестать бояться? Как перестать любить его, когда всё внутри кричит: «Ты должна быть с ним»?

— Ты должна любить себя больше, — сказала Настя строго, но нежно.

— Ты уже пожертвовала собой ради него. Семь лет! Семь лет ожиданий, слёз, компромиссов. А что он сделал для тебя?

Я уткнулась лицом в руки.

Всё это звучало слишком просто и слишком больно одновременно.

Настя была права, но страх остаться одной душил меня.

— Люда… — Настя прикоснулась к моей щеке.

— Слушай, ты не одна. Ты всегда можешь говорить со мной. Я буду рядом. И если решишь, что хватит ждать — я поддержу тебя.

Я подняла глаза.

Настя смотрела на меня с такой силой и уверенностью, что впервые за долгое время внутри меня появилось тепло.

Тёплая искра надежды, что всё можно изменить.

— Ты думаешь… — начала я тихо, — что я смогу без него?

— Ты сможешь, — Настя улыбнулась. — Ты сильнее, чем думаешь. И ты никогда не узнаешь это, если не сделаешь первый шаг.

Я села прямо, сердце колотилось так, будто готово было вырваться наружу.

Я впервые почувствовала, что могу быть честной с самой собой: что любовь, которую я испытываю к Никите, уже разрушает меня.

— Я… — сказала я, чуть дрожа, — я хочу попробовать. Попробовать жить для себя.

Настя сжала мою руку.

— Это первый шаг. Ты уже начала.

И в этот момент я поняла, что семнадцать лет мечты о семье, о детях, о счастливой жизни с Никитой — не закончены.

Они меняют форму.

Они больше не зависят от него.

Они зависят от меня.

Я впервые почувствовала свободу.

Лёгкую, страшную и прекрасную.

И впервые я поняла, что настоящая борьба начинается сейчас.

Борьба за себя, за свои мечты, за свою жизнь.

— Спасибо, Настя… — сказала я тихо.

— За всё. За то, что услышала. За то, что веришь в меня.

— Ты справишься, — сказала она. — Просто поверь в себя.

Я выдохнула, и внутри что-то щёлкнуло.

Первая надежда на то, что я могу быть сильной.

Первая искра силы, которая будет вести меня дальше, сквозь холод Никиты, через ссоры, через разочарования.

Я знала одно: теперь у меня есть опора. Настя.

И я больше не одна.

И где-то в глубине души я почувствовала странное предчувствие: скоро всё изменится.

И уже ничто не будет прежним.

# Глава 7. Работа и независимость

Я стояла у окна, держа в руках конверт с приглашением на собеседование.

Сердце билось так быстро, что казалось, будто оно вот-вот вырвется наружу.

«Это мой шанс, Люда», — шептала я самой себе.

«Шанс почувствовать себя живой, независимой, нужной не только Никите».

— Ты опять что-то читаешь? — Никита подошёл с привычной холодной улыбкой, и я почувствовала знакомое давление. Его глаза сканировали меня с той лёгкой подозрительностью, которую он всегда проявлял, когда я делала что-то без его ведома.

— Да… я… получила приглашение на собеседование, — выдавила я, стараясь сохранить спокойный тон.

Он нахмурился, и внутри меня что-то защёлкнуло.

Это было предчувствие ссоры, знакомое как дыхание перед бурей.

— Собеседование? — переспросил он с явной раздражённостью.

— Люда, мы уже говорили, что твои амбиции… слишком эмоциональны. Тебе не нужна работа, тебе нужна семья.

— Семья? — повторила я тихо, чувствуя, как в груди поднимается ярость.

— Никита, если бы я хотела только семью, я бы жила для тебя, как раньше. Но я хочу быть самостоятельной. Я хочу, чтобы моя жизнь имела смысл не только рядом с тобой.

Он подошёл ближе, и я почувствовала давление его присутствия.

— Люда… — сказал он медленно, почти угрожающе, — ты начинаешь уходить от меня. Ты слишком далеко уходишь.

— Я не ухожу! — воскликнула я, и голос дрожал, хотя я старалась быть ровной.

— Я просто пытаюсь жить! Жить для себя, Никита! Семь лет я ждала твоей решительности, семью, дети, планы — и что? Я теряю себя, потому что ты боишься!

Он замер. В его глазах мелькнуло раздражение, смешанное с непониманием.

— Живи для себя? — повторил он с ехидной ноткой.

— Люда, ты не понимаешь, что семейная жизнь — это компромиссы. Ты должна подстраиваться, а не идти своей дорогой.

— Компромиссы? — я сделала шаг к нему, и слёзы подступили.

— Семь лет компромиссов, Никита! Семь лет я подстраиваюсь, терплю твой контроль, твои придирки, твои «ты слишком эмоциональна», и теперь ты говоришь, что я не имею права хотеть работать, иметь свои цели?

Он вздохнул, чуть отстранился, но его глаза не смягчились.

— Люда… тебе кажется, что работа решит все твои проблемы. Но она не сделает тебя счастливой.

Счастье — это порядок, семья, стабильность. Всё остальное — иллюзия.

— Иллюзия? — почти крикнула я.

— Иллюзия — это жить семь лет в страхе твоей реакции на каждый мой шаг! Иллюзия — это ждать твоего «ещё немного», когда мои мечты и годы уходят безвозвратно!

Он сделал шаг назад, и я почувствовала, как впервые могу быть выше страха.

В груди что-то щёлкнуло.

— Я не буду больше прятать свои чувства! — сказала я тихо, но твёрдо.

— Я буду жить. Я буду работать. Я буду строить свою жизнь!

Он замер, как будто впервые услышал от меня настоящие слова, не скрытые под «я стараюсь», «я сделаю всё правильно».

Его привычная уверенность трещала по швам.

— Люда… — начал он, но я перебила его.

— Не «Люда…»! — кричала я, и слёзы текли по щекам.

— Ты боишься меня потерять, а я боюсь потерять себя!

В комнате стояла тишина.

Дождь за окном стучал как метроном, отсчитывая секунды перемен.

Я впервые почувствовала странное, тревожное чувство

свободы.

Страх был ещё здесь, но он не контролировал меня.

— Хорошо, — сказал Никита наконец, почти шёпотом.

— Если ты так хочешь, — и это прозвучало как уступка, — попробуй. Но не жди, что это изменит меня.

Я кивнула.

Сердце билось, будто готово вырваться.

Я знала, что впереди будет борьба: за работу, за независимость, за право быть собой.

Но впервые я почувствовала, что могу идти этой дорогой, что могу дышать полной грудью, даже если Никита раздражён, сердит или разочарован.

Я посмотрела на конверт в руках.

Это была не просто бумага.

Это был шанс.

Шанс доказать самой себе, что я могу жить не только ради него, а ради себя.

Шанс почувствовать вкус свободы, который я слишком долго прятала за слезами и компромиссами.

И в этот момент я поняла: семь лет терпения дали мне силу.

Теперь я смогу использовать её, чтобы строить свою жизнь.

А Никита? Пусть привыкает к тому, что Люда — уже не та девочка, которая жила только ради него.

Я вздохнула глубоко, улыбнулась себе в отражении окна

и сказала тихо, почти шепотом:

— Я сделаю это. И больше никто не сможет меня остановить.

# Глава 8. Семейные воспоминания

Я сидела на диване и смотрела на старую фотокопию нашего совместного фото с маленького города.

Никита держал меня за талию, и мы смеялись — тогда казалось, что весь мир принадлежит нам.

Я вспомнила, как вперв

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.